

ПРОГОВАРИВАНИЕ НАСИЛИЯ

УДК 94(47+57):32

doi 10.17072/2219-3111-2021-3-78-87

Ссылка для цитирования: *Колоницкий Б. И., Годунов К. В.* «Корниловщина» как «гражданская война»: использование понятия в условиях политического кризиса // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 3(54). С. 78–87.

«КОРНИЛОВЩИНА» КАК «ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА»: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОНЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА¹

Б. И. Колоницкий

Европейский университет в Санкт-Петербурге, 191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1;
Санкт-Петербургский институт истории РАН, 197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7
boris_i_kol@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9862-170X

ResearcherID: E-7279-2015

Scopus Author: 25625139000

К. В. Годунов

Европейский университет в Санкт-Петербурге, 191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1
kostyagodunov@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1253-3886

ResearcherID: AAY-7995-2021

Scopus Author: 57192107118

Рассматривается применение понятия «гражданская война» во время революции 1917 г., особое внимание уделяется так называемому «делу Корнилова». В качестве источников используются политические словари, материалы периодической печати, призывы и воззвания основных политических сил, дневники современников. Применяется подход, предлагаемый представителями «кембриджской истории идей». Словосочетание «гражданская война» использовалось всеми политическими силами, страх перед ней внушался противостоящими политическими акторами. Исключение составляли некоторые радикальные социалисты, прежде всего В. И. Ленин, который в некоторых своих текстах описывал революцию как уже начавшуюся гражданскую войну. Уже накануне «дела Корнилова» некоторые современники предполагали, что неизбежный кризис может принять форму гражданской войны. Неудивительно, что конфликт между верховным главнокомандующим и Временным правительством, принявший форму противостояния армейских соединений, характеризовался людьми разных взглядов как уже начавшаяся гражданская война. Это влияло на описание политических противников, которые стали восприниматься и описываться в качестве врагов, не одни только большевики считали невозможным достижение какого-либо компромисса с «корниловцами», цензовыми элементами и «буржуазией». Все это делало крайне затруднительным создание нового коалиционного правительства и ограничивало базу политической поддержки А.Ф. Керенского и других сторонников соглашения с «буржуазией». «Дело Корнилова» было важным этапом «проговаривания» гражданской войны, что впоследствии создавало благоприятные условия для подготовки вооруженного восстания руководящими органами большевиков – последние использовали новую дискурсивную ситуацию легитимации насилия, возникшую в результате этого кризиса.

Ключевые слова: Гражданская война, Л. Г. Корнилов, «корниловцы», история понятий, легитимация насилия.

В настоящей статье мы реконструируем восприятие «корниловщины» современниками. Мы следуем за авторами, считающими, что политический дискурс трансформируется в ходе

дискуссий и конфликтов, а для расшифровки смысла политических высказываний важно реконструировать контексты (подчас – локальные) этих высказываний [Skinner, 1988; Покок, 2020]. Особое внимание уделяется нами использованию понятия «гражданская война». История применения этого термина в 1917 г. не становилась предметом специального изучения, хотя некоторые аспекты этой темы были затронуты исследователями [Разиньков, 2018].

Данный термин нередко употреблялся после свержения монархии, он включался в популярные словари, помогавшие политизирующимся массам понять смысл политических посланий. Синонимами гражданской войны считались «междоусобица», «междоусобная война», «междоусобная война между частями населения одного государства» (Политический словарь..., 1917a, с. 10; Политический словарь..., 1917b, стб. 12; Народный толковый словарь..., 1917, с. 8; Толкователь непонятных слов..., 1917, с. 8). Иногда смысл словосочетания раскрывался так: «Вооруженная борьба народа с правительством или отдельных групп населения между собою»; «...война между гражданами одного и того же государства, принадлежащими к разным партиям» (Народный словарь, 1917, с. 10; Толковник..., 1917, с. 19).

Термин, однако, вошел не во все словари. Возможно, их составители не считали его актуальным (большая часть этих словарей появилась в первые месяцы революции).

В расчетах же основных участников политического процесса возможность гражданской войны учитывалась изначально. Многие действия меньшевиков, например, объяснялись желанием избежать гражданской войны [Тютюкин, 2002, с. 326]. Это отчасти объясняет нежелание умеренных социалистов взять власть после Февраля. Страх же перед перспективой гражданской войны использовали чуть ли не все политические силы.

Были и важные исключения: радикальные социалисты, прежде всего В. И. Ленин, строили свои политические расчеты, учитывая неизбежность гражданской войны. Февральскую революцию лидер большевиков рассматривал как подтверждение своего прогноза о перерастании империалистической войны в войну гражданскую. Это присуще текстам, написанным до возвращения в Россию. Но и вернувшись из эмиграции, он писал: «Русская революция февраля – марта 1917 г. была началом превращения империалистской войны в войну гражданскую» (Ленин, 1969a, с. 161).

Апрельский и Июльский кризисы описывались современниками как вспышки гражданской войны. Июльский кризис привел к ослаблению радикальных социалистов. Некоторые современники, а вслед за ними и часть историков сделали вывод о том, что период «двоевластия» тогда закончился. Но это не означало установления единовластия Временного правительства: Советы и войсковые комитеты, игравшие большую роль в ликвидации Июльского кризиса, сохранили часть власти. В то же время возросло политическое значение верховного главнокомандующего, которым стал генерал Л. Г. Корнилов. Конфликт между командованием и комитетами нарастал, а глава Временного правительства А. Ф. Керенский и близкие ему министры лавировали между противостоящими силами.

Для преодоления опасного раскола и нейтрализации радикальных элементов слева и справа Временное правительство созвало в Москве государственное совещание, которое состоялось 12–15 августа при участии влиятельных государственных и общественных деятелей. На деле же совещание выявило крайнюю поляризацию общества, более того, оно стало фактором дальнейшего нарастания конфронтации. Либеральные и консервативные политики, генералы и представители деловых кругов объединились в поддержку курса, олицетворяемого генералом Корниловым. Им противостояли социалисты разного толка, депутаты Советов и члены войсковых комитетов.

Закрывая Московское совещание, А. Ф. Керенский заявил, что тот, кто «удовлетворя до конца только одну какую-нибудь задачу и какой-нибудь один интерес... уничтожит то, что существует сейчас... откроет и начнет сам великую гражданскую войну и великое потрясение, где, может быть, погибнем все мы» (Государственное..., 1930, с. 304). Министр-председатель утверждал, что провал олицетворяемого им курса приведет к гражданской войне.

Новый кризис нарастал, многие полагали, что в ходе него неизбежной будет силовая конфронтация, некоторые и прямо говорили об угрозе гражданской войны (Нарышкина, 2014, с. 446; Устрялов, 2000, с. 139, 141). О неизбежности кризиса, который может принять форму силового противостояния, писали периодические издания: «Мы, быть может, накануне воору-

женного выступления контрреволюции», – отмечала газета московских большевиков (*Жураковский*, 1917).

Если в правых и консервативных кругах говорили о якобы назначенном на 28 августа выступлении большевиков, о «резне», ожидавшейся в этот день, то социалистов беспокоили слухи о переброске к Петрограду «диких дивизий». Последний слух опровергался официальными представителями властей, но он имел под собой основание (Петроградский Совет..., 2003, с. 183–184, 194, 204–205, 219). Авторитетные политики не исключали возможность того, что их противники прибегнут во время грядущего кризиса к силе. Это подталкивало их к подготовке вооруженного противостояния.

О вероятности силовой конфронтации писала и близкая А. Ф. Керенскому газета «Воля народа» – орган «правых» эсеров-оборонцев. Она предупреждала, что коалиция сторонников военной диктатуры не отступит и перед гражданской войной, которая приведет к гибели родины (С Временным..., 1917). Виновниками этой войны именовались консерваторы, правые и некоторые генералы, что заранее создавало дискурсивную рамку для интерпретации грядущего кризиса: он может принять форму гражданской войны, инспирированной на этот раз «большевиками справа». Такие оценки влияли и на восприятие первых сведений о конфликте между Ставкой верховного главнокомандующего и Временным правительством: Корнилов оценивался как виновник начавшейся гражданской войны.

Такой прогноз «правых» социалистов заслуживает внимания и потому, что в окружении Корнилова считали и «отца русского марксизма» Г. В. Плеханова, и видного деятеля эсеров А. А. Аргунова, который руководил «Волей народа», желательными кандидатами на должности министров в новом правительстве (Дело генерала..., 2003, Т. 1, с. 152, 177, 188). Между тем даже эти потенциальные союзники Корнилова не исключали возможность гражданской войны, которую спровоцирует Ставка. Самые умеренные социалисты, убежденные сторонники соглашения с «буржуазией», описывали грядущий кризис как гражданскую войну, подготавливаемую реакцией.

Между тем отношения Корнилова с Керенским продолжали оставаться сложными. Посредники, прежде всего управляющий военным министерством Б. В. Савинков, пытались их примирить. Казалось, было достигнуто тайное соглашение об ограничении прав Советов и комитетов, для силовой поддержки политических мероприятий к Петрограду передвигались по железной дороге кавалерийские соединения. Все же участники соглашения имели основания не доверять друг другу. Корнилов, например, нарушал достигнутые договоренности. Нарастанию взаимной подозрительности способствовали и слухи, передававшиеся в том числе людьми, имеющими репутацию информированных. 26 августа Керенский отстранил Корнилова от должности верховного главнокомандующего. Это распоряжение было получено в Ставке 27 августа, Корнилов отказался сдать пост, а войска продолжали движение к столице. Генерала, решившего открыто выступить против Временного правительства, чтобы произвести изменения в его составе, поддержали некоторые высшие военачальники. Казалось, что ничто не могло остановить отборные соединения армии, 28 и 29 августа положение Керенского представлялось безнадежным, но к 30 августа продвижение дивизий было приостановлено, Корнилов потерпел поражение. Ожидавшихся боевых столкновений не произошло, однако в Або, Выборге и Гельсингфорсе солдаты и матросы убивали офицеров, которых они заподозрили в симпатиях к Корнилову. Эти вспышки насилия невозможно понять без учета того, как кризис воспринимался современниками: многие ощущали себя участниками уже начавшейся гражданской войны.

Начиная с 27 августа сначала А. Ф. Керенский, а затем и Л. Г. Корнилов распространяли по телеграфу свои обращения к населению. 28 августа было решающим днем этой информационной войны, был опубликован Указ Временного правительства Правительствующему сенату, генерал Корнилов предавался суду за мятеж. Накануне прокуратура возбудила расследование заговора с целью ниспровержения Временного правительства путем вооруженного восстания. На следующий день в обращении «Всем, всем, всем» правительство призывало противостоять «мятежной попытке» генерала (Вестник Временного правительства, 1917, 29 августа). Слова «мятеж», «заговор», «восстание» использовались противниками Корнилова.

Социалисты при описании «дела Корнилова» чаще всего использовали слово «заговор», в документах руководящих органов партии меньшевиков это слово встречалось особенно часто

(Меньшевики..., 1996, с. 76, 113, 115, 116, 120, 122, 123, 126, 133, 135, 137, 138, 145, 155, 173, 174, 194, 195, 197). Они также писали о «восстании» и «мятеже» (Там же, с. 120, 121, 141, 146, 156, 178), реже – о «междоусобии», «братоубийственной войне», «измене», «авантюре» Корнилова (Там же, с. 119, 121, 127, 128). Такие оценки содержались и в публикациях правого крыла умеренных социалистов, на лидеров которых безосновательно возлагались надежды окружением Корнилова.

Существовали и такие описания конфликта, которые не содержали оценок противостоящих сторон и использовались людьми разных взглядов: слова «смута», «междоусобная борьба», «междоусобная война», «братоубийственная война», «внутренняя война» применяли и «корниловцы», и противники генерала. Использование слова «война» разными силами свидетельствовало об остроте противостояния.

Употреблялись и слова «братоубийственная бойня». В телеграмме губернским и областным комиссарам Керенский и министр внутренних дел социалист-революционер Н. Д. Авксентьев заявляли, что «мятежное требование» генерала Корнилова повлечет неизбежное вооруженное столкновение: «Близится грозный час тяжелых испытаний братоубийственной, вызванной изменой войны» (Корниловские дни..., 1917, с. 130). ВЦИК Советов, обращаясь к «войскам, обманутым Корниловым», обвинял верховного главнокомандующего в том, что «...он поднял знамя братоубийственной войны, не побоится он открыть и фронт германским армиям. Он хочет захватить Петроград» (Там же, с. 146).

Термин «гражданская война» появился в газетах, в дневниках современников, в официальных заявлениях. Словосочетание стало публично использоваться и авторитетными политиками не позднее 28 августа. Если Керенский в этот день писал, что Корнилов «сознательно создает братоубийственную войну», то министр труда меньшевик М. И. Скобелев заявлял: «...генерал Корнилов восстал против Временного Правительства и революционного народа. Сняв с фронта отдельные полки, он двинул их на Петроград, чтобы поразить самое сердце революции. Полки эти приближаются к Петрограду, разжигая пожар гражданской войны и губя дело революции» (*Керенский*, 1917).

Тема гражданской войны была использована министрами для дискредитации генерала Корнилова и «корниловцев», об опасности гражданской войны писали люди самых разных убеждений, в том числе и политики, свои взгляды быстро менявшие. Штабс-капитан М. М. Филоненко, комиссар при Ставке верховного главнокомандующего, сыгравший двусмысленную роль в «деле Корнилова», 28 августа направил из Могилева Керенскому телеграмму, требуя приостановить решение об отставке Корнилова, ибо оно повлечет гражданскую войну. «Победителей в этом междоусобии не будет, так как, кто бы им ни оказался, завтра будет рабом немцев» (Дело генерала..., 2003, т. 1, с. 179–180). Прибыв же в Петроград, Филоненко изменил свое мнение и участвовал в организации борьбы с Корниловым. 30 августа он обратился по телеграфу к всадникам Кавказской туземной дивизии, призывая их сохранять верность правительству: «Никакие мои уговоры, никакие убеждения мои не подействовали на генерала Корнилова, решившегося начать гражданскую войну и пролить Вашу кровь для восстановления старого строя» (Там же, с. 172). Позиция Филоненко сменилась на противоположную, но он продолжал использовать тот же прием: пытаясь воздействовать на адресатов своих пропагандистских посланий, он указывал на опасность гражданской войны.

В некоторых текстах кризис воспринимался как уже начавшаяся гражданская война, последнее обстоятельство особенно важно: ощущение гражданской войны, распространявшееся не в последнюю очередь и благодаря высказываниям авторитетных политических деятелей, готовившихся к масштабному силовому противостоянию, оправдывало политическое насилие.

О начавшейся гражданской войне писали издания разной политической ориентации. Газета социалистов-революционеров отмечала, что такая характеристика конфликта была широко распространена: «Печать называет сегодня вещи их собственными именами: гражданская война. Но твердости позиций и определенности взглядов на создавшееся положение в буржуазной печати нет. Как будто выжидают, настожились – кто кого?» (Печать, 1917).

Руководящие органы партии большевиков рассматривали «мятеж» как «генеральско-буржуазную контрреволюцию» и как «открытое восстание против революции, против народа»

(Ко всем трудящимся..., 1917). «Гражданская война начата буржуазией», – писал видный деятель партии Г. Сокольников (Торг идет, 1917).

Еще сильнее тема гражданской войны звучала 28 августа в газете московских большевиков: «Гражданская война началась. <...> Началась по воле предательской буржуазии и царских генералов. <...> Объявлена война между крупной и мелкой буржуазией». При этом автор не исключал возможности и «полевой гражданской войны», т.е. боевых столкновений между армейскими соединениями (Революция в опасности, 1917). 29, 30, 31 августа газета выходила под шапкой: «Буржуазно-военная клика объявила народу гражданскую войну».

О начавшейся гражданской войне писали и авторы иных взглядов. Г. В. Плеханов выразил это настроение так: «Кроме движения неприятеля к Петрограду, нам угрожает гражданская война. Да что я говорю: угрожает! Гражданская война уже началась» (Плеханов, 1917). По мнению автора заметки, напечатанной в том же номере «Единства», только соглашение «революционной демократии» и «буржуазии» «устранит начавшуюся гражданскую войну и усилит наше сопротивление внешнему врагу, который, видимо, очень рассчитывает на нашу внутреннюю неурядицу и достижения своих империалистических целей» (Ольгин, 1917). Единомышленники Плеханова ставили задачу не предотвращения уже начавшейся междоусобицы, а ее скорейшего завершения, предлагая соответствующие политические решения.

О фактическом начале гражданской войны писал и автор консервативных «Московских ведомостей», озаглавивший свой очерк «Bellum civile». Он не ограничивал описание гражданской войны лишь событиями «дела Корнилова», эксцессы революционного времени описывались как уже начавшаяся гражданская война: «Газеты кричат: “Лишь бы нам спастись от гражданской войны! Лишь бы нам избежать братоубийственной распри!”. Зачем лицемерить? Мы живем в хроническом состоянии гражданской войны. Каждый день приносит нам известия о жертвах братоубийственной распри, которая у нас в тылу ведется с большим ожесточением, чем война с внешним врагом» (Bellum..., 1917). Автор другой статьи, опубликованной в тот же день, также писал о гражданской войне как о совершившемся факте: «Уже не раз приходилось встречаться и в печати, и в обществе с мнением, что мы стоим перед гражданской войной. И вот это печальное прозрение осуществилось. Мы не только перед гражданской войной, мы даже не на пороге к этой войне, мы перешагнули его: гражданская война началась». Выход из этой ситуации автор заметки также видел в достижении компромисса: «Ум мучительно работает над мыслью, что все происходящее какое-то роковое недоразумение, что люди, поднявшую гражданскую войну, не поняли друг друга и что возможно какое-нибудь соглашение, какой-нибудь компромисс, который в корне пресечет взаимную вражду и прекратит братоубийственное столкновение» (А-въ М., 1917).

Как видим, о начавшейся гражданской войне писали люди разных политических взглядов, но они по-разному видели ее причины и предлагали разные способы ее прекращения.

Многие социалисты – не одни только большевики – виновниками конфликта считали «буржуазию», цензовые элементы. В некоторых случаях обвинения предъявлялись и конституционно-демократической партии, хотя в ее рядах были люди, по-разному относящиеся к выступлению генерала Корнилова. Для характеристики виновников гражданской войны использовалось и словосочетание «враги народа». Видные умеренные социалисты на какое-то время отказывались от соглашения с «буржуазией», а используемая риторика гражданской войны затрудняла такие компромиссы и впоследствии, когда меньшевики и эсеры вернулись к идее коалиционного правительства. Риторика отрицания гражданского мира, использовавшаяся в дни кризиса всеми социалистами, способствовала пропаганде партии большевиков и других радикальных социалистов, отрицавших соглашение с «буржуазией».

Сторонники Корнилова упрекали Керенского в том, что его действия создают угрозу гражданской войны, т.е. фактически требовали от главы Временного правительства капитуляции. Либералы и консерваторы ради окончания гражданской войны предлагали различные варианты соглашения между Корниловым и Керенским. Страх перед углублением междоусобной войны использовался не для массовой мобилизации своих сторонников, а для заключения элитного соглашения, к которому следует принудить главу Временного правительства и смещенного им верховного главнокомандующего. О необходимости окончания (или предотвращения) гражданской войны говорили политики, предлагавшие себя в качестве посредников, и со-

юзные дипломаты. В этом случае вопрос о виновниках конфликта намеренно не поднимался, хотя состояние гражданской войны нередко признавалось, сценарии соглашения предпочитали использовать тему «рокового недоразумения», слова «мятеж» и «заговор» не употреблялись. Корреспондент кадетской «Речи» описал происходящие события как «недоразумение» и выразил надежду, «что стороны послушают голоса благоразумия и что гражданская война будет предотвращена» (Петроград..., 1917). Упоминания о «недоразумении» вызвали возмущение у социалистов: для них это было подтверждением оценки кадетов как «корниловцев».

Промежуточную позицию занимали представители правого крыла умеренных социалистов, взгляды которых выражали петроградские газеты «Воля народа», «Единство» и «День». Газеты адресно описывали виновников гражданской войны, но в то же время сохраняли и приверженность идее коалиции с «буржуазией», и продолжали критиковать радикальных социалистов, прежде всего большевиков. Даже критика Корнилова ими порой окрашивалась в тона антибольшевистских кампаний: «корниловцев» именовали «большевиками справа».

Страх перед гражданской войной впоследствии использовали для своего оправдания и некоторые сотрудники генерала Корнилова. Генералы А. С. Лукомский и И. П. Романовский, допрашиваемые комиссией, назначенной Временным правительством, указывали, что они делали все возможное для предотвращения гражданской войны. Мы не знаем, насколько искренними были генералы, порой они давали показания в соответствии с рекомендациями сочувствующих им следователей (Дело генерала..., 2003a, с. 361–362, 410; 2003b, с. 233, 294). Можно, однако, предположить, что они понимали, что попытка разрешения сложного кризиса с помощью крупных армейских соединений несет высокий риск гражданской войны.

Тема гражданской войны не ушла из публичного обсуждения и после ареста генерала Корнилова. С одной стороны, этому способствовали разоблачения по делу Корнилова, которые ставили под сомнения некоторые утверждения Керенского. Эти разоблачения особенно активно использовали противники Временного правительства и слева (прежде всего большевики), и справа (в первую очередь набирающие популярность прокорниловские газеты «Новая Русь» и «Живое слово»)².

Тема гражданской войны звучала и в связи с дискуссиями о преодолении правительственного кризиса. Часть умеренных социалистов заявляла, что для предотвращения гражданской войны необходима новая коалиция с буржуазией. Такую интерпретацию и ранее предлагали «правые» социалисты на страницах «Дня», «Воли народа» и «Единства». Со временем эту точку зрения поддержали и видные лидеры меньшевиков и эсеров, прежде всего И. Г. Церетели.

В то же время левое крыло умеренных социалистов сохраняло приверженность позиции партий времен «дела Корнилова». Ю. О. Мартов считал, что коалиция социалистов с конституционными демократами неизбежно станет фактором, порождающим гражданскую войну. Известно, что победила точка зрения, выразителем которой был Церетели: 25 сентября Керенский сформировал новое правительство, в состав которого наряду с социалистами вошли конституционные демократы. Вместе с тем опыт «корниловщины» и дискуссий по поводу формирования кабинета не вели к укреплению Временного правительства, что способствовало усилению влияния радикальных социалистов, прежде всего большевиков.

В этой ситуации Ленин вновь сменил тон своих публичных заявлений, курс на подготовку вооруженного восстания проявлялся и в том, что он откровенно формулировал свои взгляды на гражданскую войну. Статья «Русская революция и гражданская война. Пугают гражданской войной», написанная в первой половине сентября, когда вопрос о создании коалиционного правительства еще не был решен, была реакцией на обсуждение темы гражданской войны в прессе. Непосредственным поводом для ее написания стала публикация в газете кадетов, в которой обсуждалась необходимость предотвращения гражданской войны (Партия..., 1917).

Ленин отмечал, что его политические противники используют страх перед гражданской войной для реализации своих целей. Апрельский и Июльский кризисы он описал как «...сильные стихийные взрывы, вплотную подходившие к началу гражданской войны со стороны пролетариата». В то же время «...корниловское восстание представляло из себя поддержанный помещиками и капиталистами, с партией к.-д. во главе, военный заговор, приведший уже к фактическому началу гражданской войны со стороны буржуазии» (Ленин, 1969b, с. 215). Как

мы видели, схожие идеи относительно «дела Корнилова» высказывали и некоторые умеренные социалисты. Перспектива же гражданской войны, начатой «пролетариатом» (т.е. партией большевиков, которую Ленин считал выразителем интересов рабочего класса), его не страшил: «Героическое усилие это и есть не что иное, как победа русского пролетариата в гражданской войне над буржуазией, ибо такая победа одна спасет от мучительных колебаний, одна даст выход, даст землю, даст мир» (Там же, с. 227). Обвиняя своих противников в том, что они используют страх перед гражданской войной, Ленин и сам применял этот прием: «Не пугайте же, господа, гражданской войной: она неизбежна, если вы не хотите расчитаться с корниловщиной и с “коалицией” теперь же, до конца, – то эта война даст победу над эксплуататорами, даст землю крестьянам, даст мир народам, откроет верный путь к победоносной революции всемирного социалистического пролетариата» (Там же, с. 228).

Статья соответствовала тем задачам, которые и Ленин, и многие радикальные социалисты преследовали после начала «корниловщины», до середины сентября: недопущение создания коалиции с «буржуазией», образование правительства, ответственного перед Советами. Однако в ряду текстов, осуждавших возможность создание коалиционного правительства, она выделялась тем, что не исключала возможность начала гражданской войны своей партией.

Ту же тактику использовал и Л. Д. Троцкий, который 19 сентября на заседании Рабочей секции Петроградского Совета заявлял, что если «...уклончивая политика с.-р. и меньшевиков-оборонцев все-таки приведет к созданию коалиции, существование которой обречено на гибель, и так как таким образом будет отсрочен созыв Всероссийского съезда Советов, то возможно и даже неизбежно обострение междуклассовых отношений и за ним гражданская война». Когда же коалиция была все же заключена, то Л. Б. Каменев реагировал на нее так: «Коалиция заключена за наш счет. Попытка создать коалицию – это провокация гражданской войны». Резолюция, принятая Петроградским Советом, осуждала новое правительство как «правительство гражданской войны» (Петроградский Совет..., 2003, с. 373–374, 406, 409).

Радикально настроенные большевики готовились к гражданской войне, обвиняя в ее подготовке своих противников. Такой курс мог принести успех в той новой политической ситуации, которая возникла во время «корниловщины».

После свержения монархии различные политические силы использовали страх перед гражданской войной, они обвиняли своих противников в ее подготовке. Однако «дело Корнилова» представляет собой новую фазу употребления словосочетания «гражданская война».

Как «гражданские войны» описывались и Апрельский, и Июльский кризисы, которые сопровождались столкновениями вооруженных формирований и человеческими жертвами, но такие характеристики чаще давались тогда, когда кризисы уже начались. Между тем после Московского государственного совещания нарастало тревожное ожидание нового острого и масштабного политического кризиса, который примет форму гражданской войны. Хотя силовое противостояние Корнилова и Керенского (подобная персонификация конфликта была упрощением сложной политической ситуации) было и неожиданным для большинства наблюдателей, но неизбежность кризиса и вероятность использования насилия ощущали многие. Во время же кризиса речь уже шла не о действиях военизированных формирований и отдельных войсковых частей – целые соединения российской армии готовились к вооруженной борьбе, простая случайность могла вызвать масштабные боевые действия на территории столичной губернии и в районе Ставки верховного главнокомандующего.

В этой ситуации описание «дела Корнилова» как начавшейся гражданской войны приобрело особое значение. Именно так характеризовали кризис представители всех политических сил. Либералы и консерваторы стремились использовать страх перед гражданской войной для заключения соглашения между Корниловым и Керенским, а для социалистов разного толка любое предложение компромисса с «мятежниками» и «заговорщиками» было равнозначно требованию капитуляции революционных сил. Это было достаточным основанием для объявления «корниловцами» конституционных демократов и других сторонников соглашения, «цензовых элементов» и представителей «буржуазии». На деле не все кадеты были сторонниками Корнилова, однако «корниловцы» – действительные и воображаемые – объявлялись «врагами народа».

Такой язык описания кризиса был присущ прежде всего большевикам и другим радикальным социалистам, но его применяли и социалисты умеренные, в том числе деятели партий

меньшевиков и социалистов-революционеров, руководящие органы этих партий. Подобный подход был некоторое время характерен даже для «правых» социалистов-оборонцев, которых генерал Корнилов и его советники накануне кризиса ошибочно рассматривали как возможных политических союзников.

Во время «дела Корнилова» возникла совершенно новая дискурсивная ситуация. Лидерам меньшевиков и эсеров после кризиса было сложно согласиться на формирование нового коалиционного правительства, в которое в конце концов были включены представители конституционных демократов, «цензовиков», «буржуазии», – они воспринимались как вдохновители, а то и как руководители гражданской войны. Большевики обличали блок умеренных социалистов с «корниловцами», а в рядах меньшевиков и эсеров возникали все новые конфликты и расколы. В этой ситуации ведущие политические партии не послали в правительство своих видных представителей, оно все более становилось «правительством Керенского»: министр-председатель был единственным «тяжеловесом» во власти, хотя его собственный авторитет быстро падал. При этом для критики Временного правительства и лично Керенского большевики и другие радикальные социалисты могли использовать те риторические приемы, которые применялись самими меньшевиками и эсерами для критики «корниловцев».

В сентябре и октябре обсуждение «корниловщины» не теряло актуальности. Немало политиков отождествляло себя с арестованным генералом, и многие люди с гордостью именовали себя «корниловцами» и позитивно оценивали «корниловщину», лишая это слово негативной коннотации. Все это делало положение сторонников общественного компромисса уязвимым, что способствовало сползанию страны в ситуацию гражданской войны. Керенский, которого «корниловцы» обвиняли в предательстве, а радикальные социалисты – в подготовке «новой корниловщины», оказался в изоляции, чему способствовало обсуждение «дела Корнилова».

Такой контекст был благоприятен для сторонников решения политических проблем с помощью насилия. В партии большевиков это проявилось в подготовке вооруженного восстания, но не только радикальные социалисты видели выход из политического кризиса в использовании силы. В этой ситуации Ленин вернулся к описанию ситуации как уже начавшейся гражданской войны. Не все большевики, поддерживавшие подготовку вооруженного восстания, использовали подобный аргумент, но ощущение уже начавшейся гражданской войны было распространено и влияло на легитимацию политического насилия.

«Корниловщина» была важным и масштабным опытом «проговаривания» гражданской войны, опытом оправдания силового подавления противника, использования вооруженных сил и насилия как инструмента решения политических проблем. Свой вклад в создание таких культурных предпосылок для возникновения гражданской войны вносили и те, кто проповедовал гражданскую войну открыто, и те, кто с разной степенью искренности заявлял о своем желании ее предотвратить. Распространенный страх перед гражданской войной не был достаточным условием для ее предотвращения.

Примечания

¹ Статья подготовлена в рамках исследования, проводимого при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00369 «Процессы легитимации насилия: культура конфликта в России и эскалация Гражданской войны».

² О роли правых изданий в политической жизни см. [Колоницкий, 2020].

Список источников

А-въ М. Спасение родины // Московские ведомости. 1917. 30 августа.

Вестник Временного правительства. 1917. 29 августа.

Государственное совещание / под ред. М.Н. Покровского. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 372 с.

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 – июнь 1918 г.: в 2 т. Т. 1. Чрезвычайная комиссия по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках: авг. 1917 г. – июнь 1918 г. / отв. сост. О.К. Иванцова, Ю.Г. Орлова; сост. К.Г. Ляшенко, В.М. Хрусталева. М., 2003а. 565 с.

- Дело генерала Л.Г. Корнилова. Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 – июнь 1918 г.: в 2 т. Т. 2. Показания и протоколы допросов свидетелей и обвиняемых: 27 авг. – 6 нояб. 1917 г. / отв. сост. Ю.Г. Орлова; сост. О.К. Иванцова [и др.]. М., 2003b. 590 с.
- Жураковский В.* Генералы на Московском Совещании // Социал-демократ. 1917. 17 августа.
- Керенский А.Ф.* Приказ по войскам Петрограда // Воля народа. 1917. 29 августа.
- Ко всем трудящимся, ко всем рабочим и солдатам Петрограда / Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (большеви-ков), П. К. Р. С.-Д. Р. П. (большевигов), Военная организация при Ц. К. Р. С.-Д. Р. П., Цент-ральный Совет фабрично-заводских комитетов, Большевицкая фракция Петроградского и Центрального Советов Р. и С. Депутатов // Рабочий. 1917. 30 августа.
- Корниловские дни: бюллетени Временного военного комитета при ЦИК Исполнительного ко-митета Советов рабочих и солдатских депутатов с 28 авг. по 4 сент. 1917 г. / сост. и ред. В.А. Колеров. Пг.: Союз социалистов Нар. армии, 1917. 189 с.
- Ленин В.И.* Задачи пролетариата в нашей революции (проект платформы пролетарской партии) // Полн. собр. соч. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1969a. Т. 31. С. 149–186.
- Ленин В.И.* Русская революция и гражданская война. Пугают гражданской войной // Полн. собр. соч. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1969b. Т. 34. С. 214–228.
- Меньшевики в 1917 году: в 3 т. / под общ. ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона. Т. 3. От корниловского мятежа до конца декабря. Ч. 1. От корниловского мятежа до Временного Демок-ратического Совета Российской Республики (август – первая декада октября). М.: РОССПЭН, 1996. 448 с.
- Народный словарь. Пг.: Союз солдат-республиканцев, 1917. 64 с.
- Народный толковый словарь общественно-политических слов. Пг.: Знание – сила, 1917. 32 с.
- Нарышкина Е.А.* Мои воспоминания. Под властью трех царей. М.: Новое литературное обозре-ние, 2014. 685 с.
- Ольгин В.* Соглашение необходимо // Единство. 1917. 29 августа.
- Партия народной свободы // Речь. 1917. 7 сентября.
- Петроград, 28 августа // Речь. 1917. 28 августа.
- Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполни-тельного комитета и фракций (27 февраля – 25 октября 1917 года): в 5 т. / под общ. ред. П.В. Волобуева. Т. IV: 3 июля – 25 октября 1917 года. М.: РОССПЭН, 2003. 613 с.
- Печать // Труд. 1917. 30 августа.
- Плеханов Г.* Что делать? // Единство. 1917. 29 августа.
- Политический словарь / сост. пр. Звенигородцев. М.: Народная мысль, 1917. 62 стб.
- Политический словарь / сост. В.Ч. Пирятин. М.: Тип. Селецкого и Любинского, 1917. 59 с.
- Революция в опасности // Социал-демократ. 1917. 28 августа.
- С Временным Правительством во имя спасения страны // Воля народа. 1917. 26 августа.
- Толкователь непонятных слов в газетах и книгах. Одесса: Тип. Всерос. зем. союза Комитета Румынского фронта, 1917. 30 с.
- Толковник политических слов и политических деятелей. Пг.: Освобожденная Россия, 1917. 96 с.
- Торг идет // Рабочий. 1917. 30 августа.
- Устрялов Н.В.* Былое – революция 1917 г. (1890-е – 1919 гг.): воспоминания и дневниковые записи. М.: АНКИЛ, 2000. 246 с.
- Bellum civile* // Московские ведомости. 1917. 30 августа.

Библиографический список

- Колоницкий Б.И.* Образы А.Ф. Керенского и политическая борьба в 1917 году (на примере газет А.А. Суворина) // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* 2020. Т. 4, № 3. С. 834–883.
- Покок Дж.Г.А.* Момент Макиавелли. Политическая мысль Флоренции и атлантическая респу-бликанская традиция. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 886 с.

Разиньков М.Е. Дефиниции гражданской войны в России // Диалог со временем. 2018. № 62. С. 366–374.

Тютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории. М.: РОССПЭН, 2002. 558 с.

Skinner Q. Motives, Intentions and the Interpretation of Texts // Meaning and Context: Quentin Skinner and His Critics. Princeton: Princeton University Press, 1988. P. 68–78.

Дата поступления рукописи в редакцию 09.06.2021

"KORNILOVSHCHINA" AS A "CIVIL WAR": THE APPLICATION OF THE CONCEPT IN THE CONTEXT OF A POLITICAL CRISIS

B. I. Kolonitskii

European University at St. Petersburg, Gagarinskaya str., 6/1, 191187, St. Petersburg, Russia
St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya str., 7, 197110, St. Petersburg, Russia
boris_i_kol@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9862-170X
ResearcherID: E-7279-2015
Scopus Author: 25625139000

K. V. Godunov

European University at St. Petersburg, Gagarinskaya str., 6/1, 191187, St. Petersburg, Russia
kostyagodunov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1253-3886
ResearcherID: AAY-7995-2021
Scopus Author: 57192107118

The article examines the application of the concept of “civil war” during the Revolution of 1917. Attention is paid to the so-called “the Kornilov affair”. We use different political dictionaries, periodicals, public appeals of main political actors, and diaries as our main sources. All political forces used the collocation “civil war”, and they utilized the fear of civil war for their own purposes. The exceptions were some radical Socialists, primarily Vladimir Lenin, who, in some of his texts, described the revolution as a civil war that had already begun. On the eve of the Kornilov affair, some contemporaries assumed that the inevitable political crisis could take a form of a civil war. It is not surprising that the conflict between the Supreme Commander and the Provisional Government, which took the form of a confrontation between army formations, was characterized by people of different views as a civil war. This influenced the description of political opponents who at this stage were perceived as enemies. The Bolsheviks were not the only ones who considered it impossible to achieve any compromise with the “Kornilovites” and the “bourgeoisie”. All this made it extremely difficult to create a new coalition government and limited the base of political support for Alexander Kerensky and other supporters of an agreement with the “bourgeoisie”. The “Kornilov case” was an important stage of the “articulation” of the civil war. Subsequently, this created favorable conditions for the preparation of an armed uprising by the Bolsheviks, who used the new discursive situation of legitimizing violence that arose because of this crisis.

Key words: Civil war, Lavr G. Kornilov, «Kornilovites», history of concepts, legitimizing of violence.

Acknowledgments

¹ The research was funded by the Russian Science Foundation, project № 20-18-00369 “Processes of legitimizing violence: the culture of conflict in Russia and the escalation of the Civil War”.

References

- Kolonitskii, B.I. (2020), “Images of A.F. Kerensky and the political struggle in 1917 (based on the newspapers of A.A. Suvorin)”, *Historia Provinciae – Zhurnal regional'noy istorii*, vol. 4, № 3, pp. 834–883.
- Pocock, J. G. A. (2020), *Moment Makiavelli. Politicheskaya mysl' Florentsii i atlanticheskaya respublikanskaya traditsiya* [The Machiavellian moment: Florentine political thought and the Atlantic republican tradition], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 886 p.
- Razin'kov, M.E. (2018), “The definitions of the Civil War in Russia”, *Dialog so vremenem*, № 62, pp. 366–374.
- Skinner, Q. (1988), “Motives, Intentions and the Interpretation of Texts”, in Tully, J. (ed.), *Meaning and Context: Quentin Skinner and His Critics*, Princeton University Press, Princeton, USA, p. 68–78.
- Tyutyukin, S.V. (2002), *Men'shevizm: Stranitsy istorii* [Menshevism: Pages of history], ROSSPEN, Moscow, Russia, 558 p.